

**ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЕК ИНФОРМАТИЗАЦИИ**

С.В. Радченко-Драяр - Доктор психологических наук, Главный научный сотрудник, - Университет Сорбонны Париж Сити

Аннотация: целью данной статьи является анализ причин и последствий преобразований человеческой деятельности в эпоху информатизации на личностном, межличностном, социальном и международном уровне. Основная задача этой статьи – изучить различные психологические, психоаналитические, социологические и экономические точки зрения и определить возможные методы адаптации к этим преобразованиям в современном обществе.

Ключевые слова: информатизация, психическая активность, идентичность, социальные сети, социальный диалог, переговоры

Abstract

The objective of this article is to analyze the causes and the consequences of the transformations of human activities in the era of digitization in interpersonal, interpersonal, social, societal and international. Our main tasks is to examine the different points of view psychological, psychoanalytic, sociological and economic and determine the possible methods to adapt to these changes in modern society.

Key-words: digitization, psychic activity, identity, social networks, social dialogue, negotiation

Введение

Информатизация и возможное распространение этого накопления данных на все аспекты активности людей существенно преобразуют их деятельность и, к сожалению, приводят к статистическому видению единого, стандартизированного человека - человека без личных качеств. Такое оценочное поведение в поисках доказательств, представленных статистическими корреляциями, касается, личной жизни людей, их работы и институциональных норм общества. Кроме того, алгоритмы принятия решений,

которые якобы заменяют действия административного должностного лица (судьи, врача, учителя, должностного лица) постепенно отдаляют индивидуальную деятельность человека в пользу протоколов и правил стандартизированного человека конкретного общества. В эпоху информатизации человечество изменило свое понятие об окружающей среде, поскольку окружающая среда человека, как природная, так и культурная, состоит из физической среды и лингвистического, социально-репрезентативного наследия. С нашей точки зрения информатизация, новые цифровые технологии в социальных, экономических и политических сферах порождают новые виды деятельности, новые межличностные отношения, новые способы бытия в мире и формирования нового современного человеческого общества. Целью статьи является изучение причин и последствий этих преобразований на развития человечества в эпоху информатизации.

1. Влияние информатизации и цифровых технологий на психическую деятельность человека

Современный человек живет в мире информатизации, который делает его анонимным, абстрактным и часто сводит его к элементу массового индивидуализма. Но когда индивидуализм исчезает под пунктами статистической серии, рискует исчезнуть вместе с ним саморазличие, индивидуальная особенность, самооценка, способность к самобытию, жизни, любви, неразрывно связанные с демократией и чувством бытия. Осмысление цифровизации как новой информационно-коммуникационной платформы отвечает фантазии человека - получить от мира полностью вычислительный образ.

Это цифровая культура, безусловно, меняет деятельность человека. Использование цифровых технологий относится к реалиям, которые объяснены с точки зрения развития, управления и функционирования организаций в обществе. Это использование услуг, предлагаемых этими

приложениями, означает, что человек уже не только является потребителем, но и становится производителем цифровых данных в социальных сетях на расстоянии. Если истиной желания является бесконечное желание, то риторика чисел заключается в том, чтобы повториться, в вечном нарциссическом самоудовлетворении. Речь идет о том, чтобы занять все медиа-поле и новая информационная территория является самовлюбленным желанием, закон которого заключается в конкуренции, эгоистической цели, проявлении нарциссизма и стремления к господству над другими. Фрейд представляет себе прогресс в регулировании человеческих отношений как прогресс доминирования силы природы, человеческих побуждений и двойственностью импульсов между Эросом, который заставляет общество создать социальные связи, и Танатосом, который работает в направлении их разрушения и смерти. Наряду с Эросом, как влечением к жизни, Танатос отличается своим стремлением к агрессии и разрушению. Фрейд подчеркивал, что инстинкт смерти безмолвно влечет человека к смерти, и только благодаря действию инстинкта жизни эта подобная смерти сила проецируется вовне в форме деструктивных импульсов, направленных против объектов во внешнем мире.

С точки зрения Радченко-Драяр, углубление вопроса о внутриспсихическом конфликте связано с анализом Эдипового комплекса, в котором конфликт, прежде чем быть оборонительным, уже пресубъективно вписан как комплекс, желаний и запретов во взаимоотношениях Эго (Ego) и Супер-Эго (Super-Ego). Таким образом, моральные чувства и ценности являются результатом интернализации социальных норм, требующих отказа от импульсного удовлетворения и социальная цензура представлена внутриспсихическим Супер-Эго (Super-Ego). С угрозой кастрации родительские запреты усваиваются в виде Супер-Эго, что завершает установление нравственности индивида. По мнению Радченко-Драяр, в этих постоянных взаимодействиях с другими лицами каждый человек принадлежит одновременно к нескольким группам (семья, социальная группа, нация, страна,

человечество) и любая встреча с другим (другими, иностранцами) подразумевает его степень межкультурности в социальной идентичности. Таким образом, все порождающиеся конфликты, между отдельными лицами, являются результатом одновременного взаимодействия внутриличностных, межличностных, национальных и международных конфликтов. (Radtchenko-Draillard, 2016). Фрейд отметил: «Если цивилизация – это необходимый курс, который ведет из семьи к человечеству, то это неразрывно связано с вечной борьбы между любовью и стремление к смерти, усиление чувства вины...» (Freud, 1930). В этой концепции связи между сходствами и различиями в индивидуальном и коллективном, Фрейд выдвинул идею о присутствии в бессознательном следов инфантилизма личности (infantilism), и следов инфантилизма всего человечества.

Московичи оценивает социальные репрезентации в социальных взаимодействиях как составной элемент когнитивных процессов, взаимозависимости индивидуального микропсихологического уровня и макросоциального уровня. В качестве альтернативы целостным доктринам (примат социального) и индивидуалистическим доктринам (примат индивидуума), Московичи предлагает трехуровневую структуру взаимосвязей: индивидуальный субъект" (Эго), социальный субъект" (другой/ другие) и объект". (Moscovici, 1984). Можно также сказать, что человек реагирует так же, как коллектив: у него есть правительство, которое соответствует тому, что называется "я", и через межсубъективные взаимодействия с другими людьми он вступает в более широкую коллективную национальную идентичность. Когда возникает внешняя угроза для человека и его группы или страны он самоактивирует свои защитные механизмы, чтобы избежать каких-либо нарушений и недовольства. По мнению Радченко-Драяр «В моменты глубокого социального конфликта, обострены деградация символического в коллективе, потеря идентичности отдельными лицами; импульсы инфантилизма, обнищание мысли, стереотипы в анализе межличностных отношений, разрыв

взаимодействий между индивидуальным и коллективным, и т.д.». (Radtchenko-Draillard, 2016).

Таким образом, в использовании недоверия и негативных стереотипов, можно найти выражение нарциссизма, самоутверждения, опыт тревожных странностей, причины невротизма депрессий, травм и возвращение из бессознательного репрессированных в детстве импульсов самозащиты. Поэтому с большой легкостью человек осуществляет передачу (transference) своих неврозов и травм другим, используя социальные компьютерные сети. Добавим также, что анонимность в социальных сетях способствует развитию садистских желаний, импульсов разрушения, импульсов контроля над другими и импульсов агрессии, импульсов превосходства и господства над другими и, наконец, импульсов. В этих безграничных виртуальных пространствах с невообразимой скоростью распространяются соперничество, любопытство, тщеславие, эксгибиционизм, вуайеризм, ревность, ложь, сплетни и ненависть, и т. д. Кроме того, возвращение из бессознательного этих репрессированных импульсов преобразует интернет-зависимость в извращение, оправданное средством для получения удовольствия определенных индивидов. Это удовольствие вызывает постепенное изменение социальной связи: с этим принципом непосредственности и вездесущности устанавливается новая связь субъекта и времени и новый способ обсудить все со всеми и говорить со всеми о себе. Эта логика часто игнорирует личностный опыт субъекта (стрессы, которые он накапливает, разочарования, которые он получает, страдания, которые он причиняет своим близким, боли, которые переполняют его-эмоциональное истощение и деперсонализация). Те эмоции, которые аддикт (addict) переживает во время так называемых аддиктивных реализаций и мечтах (сопряженные с иллюзиями контроля, комфорта и совершенства), в реальной жизни ему больше недоступны, поэтому жизнь становится для аддикта унылой и восприятие социума как враждебного чуждого мира. По этим причинам интернет-зависимые аддикты не обращаются к психологам и психоаналитикам ;

они пытаются решить свои собственные проблемы самостоятельно и в неограниченном контакте с виртуальным миром.

2. Изменения в национальных и международных отношениях в цифровую эпоху

Развитие цифровых услуг свидетельствует о глубоких изменениях в политических, экономических, социальных отношениях на национальном и международном уровнях. Следует также отметить, что каждое общество структурировано на более или менее иерархические социальные группы. В результате этого, каждая иерархическая социальная группа имеет идентичность для лиц, которые в нее интегрируют. Они распределяют роли, стандарты, практики, правила, законы, социальные ценности: престиж, привилегии, титулы, материальные блага. Это называется стратификацией, которая основана на различных критериях: возраст, гендерные различия, социально-профессиональная категория, и т.д. Эти социальные неравенства позволяют отдельным лицам и социальным группам быть приоритетными в данном обществе и во всем мире. Социальная стратификация возникает из этого неравного распределения этих различных капиталов с количественным измерением: обеспеченные люди составляют доминирующие классы; и качественным измерением: в зависимости от состава общего объема капитала, положение физических лиц варьируется в иерархических социальных группах.

Идея заключается в том, что они на самом деле все больше и больше структурированы формами индивидуализации и группового индивидуализма. Человечество активизировало свою социальную иерархию, и социальный диалог является предметом позитивной оценки всех политических, экономических и социальных субъектов на национальном и международном уровне. Однако за последние несколько десятилетий, отмеченных абсолютным распространением цифровых технологий, мы стали свидетелями двух тенденций, которые требуют от нас усомнения в актуальности такого оптимистического видения этого социального диалога: первая тенденция

заключается в усилении неравенства в цифровую эпоху и вторая тенденция касается изменение содержания социального диалога в обществе. Кроме того, цифровые технологии разрывают классическую связь между практикой и интеллектуальной и когнитивной деятельностью подростков: компьютер и мобильный телефон используются в большинстве случаев для прослушивания музыки, просмотра фильма, написания писем или обмена сообщениями в социальных сетях, но очень редко они используются для подготовки школьных уроков или к поступлению в университет. В этом контексте молодые люди, не имеющие дипломов среднего специализированного и высшего образования, являются основными жертвами безработицы, социальной нестабильности и нищеты, потому что внедрение новых технологий зачастую требует больших теоретических знаний и конкретных практик и навыков.

С другой стороны, в некоторых развитых странах Европы (во Франции, Бельгии, Италии, Испании, Нидерландах, Греции и т.д.) существует еще одно неравенство в социальном расслоении: несоразмерное расширение университетских учреждений, связанное с растущим желанием их населения получить высшее образование любой ценой, приводит к появлению высококвалифицированной безработицы и дисбалансу квалификации при доступе к занятости. В то же время в эту эпоху цифрового прогресса в этих странах неравенство в заработной плате, распределение рабочих мест и профессиональных задач между мужчинами и женщинами продолжают на различных уровнях и различными темпами. Это происходит в условиях высокого неравенства по отношению к мужчинам; женщины чаще подвергаются дискриминации по сравнению с мужчинами в некоторых частных компаниях. К этому следует добавить, что пожилые люди и пенсионеры испытывают большие трудности с использованием новой цифровой технологии, когда необходимо подать налоговые декларации, консультировать в файле объем их пенсий или расходы социального обеспечения и писать

официальные письма в различные администрации. Экологический переход обусловлен основными рисками ухудшения состояния окружающей среды, которые являются как следствием неравенства, так и источником нового неравенства социальной стратификации. Автоматизация средств производства и цифровизация обработки информации порождают массовые перемещения рабочей силы и организация работы, содержание заданий, статус работников претерпевают глубокие изменения.

Эти изменения могут быть проанализированы на двух уровнях : 1) широкое воздействие новых цифровых технологий на работу и конкретные виды деятельности связаны с определенными формами нового производства, такими как цифровые платформы коммуникации; 2) автоматизация средств производства устраняет рутинные задачи и разрабатывает высококвалифицированные аналитические, интерактивные и нестандартные задачи. Сочетание автоматизации и цифровизация способствует созданию высококонкурентных и масштабируемых способов организации работы. Эти факторы могут повышать стресс и страдания на работе либо в результате усиления ответственности, либо в результате сохраняющейся угрозы неудач. Другой тенденцией является фрагментация задач, которые могут быть доведены до крайней степени и новые методы информационной коммуникации создают огромные возможности для внутренней и внешней мобильности между местоположением организации и местом, где выполняется работа (телеработы дома, на транспорте или в местах, посвященных коворкингу). Работа на дому позволяет включать в трудовую деятельность определенные категории лиц, например инвалидов, лиц, на которых распространяются обязательства по уходу за детьми. Связанные с этим риски должны быть проанализированы : конкретно, продолжительность работы становится неконтролируемой и может усугубляться повышенными требованиями, запросами работодателя ; существует риск вторжения работы в личную жизнь, вспышки нервных заболеваний и синдрома эмоционального выгорания (burn-out). Эти

преобразования усиливают неопределенность и озабоченность по поводу будущего общества: его социальной, демографической и экономической динамики. Именно вокруг этих проблем можно видеть дифференциацию между желаниями и реалиями применения цифровых технологий.

Несмотря на широкое обобщение процедур информации и консультаций, наблюдается также ослабление форм социального диалога : глобализация и финансовая деятельность в эпоху цифровизации, как новой информационно-коммуникационной платформы, прилагают социальный диалог к цели максимизации акционерной стоимости. Поэтому характер социального диалога в профессиональной деятельности людей трансформируется в принципе. Еще одно нарушение национального социального диалога возникает, когда многонациональные компании отказываются вступать в национальные организации работодателей и предпочитают прямое лоббирование с государственным аппаратом. Интенсивное и растущее развитие цифровых технологий увеличивает глобальное неравенство и культурные различия между странами (развитыми и развивающимися, бедными и богатыми). В этом смысле, культурология (область психологии), изучает специфические особенности поведения, умозаключения, мотивации и эмоционального реагирования конкретной этнической группы людей или культуры (страны). По мнению Линтона (Linton, 1977) культурология изучает интеракцию двух совершенно разных типов активности: 1) психологического (поведение, аттитюды, система ценностей, знания, мотивация, и т.д.) 2) материального (предметы, произведения, достижения и объекты, созданные группой и составляющие её культурное наследие и ценности).

Триандис (Triandis, 1994) утверждает что основной проблемой культурологии является методологическое исследование взаимосвязи этиков (общих базовых элементов в активности всех культур) и эмиков (специфических элементов в активности каждой отдельно взятой культуры). Хофстед (Hofstede, 1991) считает что культуры (этнические группы)

отличаются друг от друга по четырем основным признакам. 1) индивидуализм/коллективизм социальной деятельности, 2) мужской/женский тип социального реагирования (сентиментальность или рационализм), 3) различия в использовании власти в управлении (автократия/демократия), 4) избегание колебаний и неопределенности в социальном функционировании (уровень измерения социальных рисков). В дополнение к этим культурным различиям, глобализация, цифровизация обработки информации и финансовая деятельность являются тесно взаимосвязанными компонентами международного взаимодействия для регулирования проблем во всем мире. Безопасность государства различных стран также сталкивается с новыми глобальными рисками, которые представляют собой угрозу, далеко выходящую за рамки обычного транснационального конфликта : терроризм, организованная транснациональная преступность, распространение оружия, незаконный оборот наркотиков, мафии, кибератаки и хакерские атаки.

Наконец, растет неконтролируемая массовая иммиграция миграция, подпитываемая экономическим неравенством, изменением климата и политическими, религиозными, этническими или региональными войнами. Объединив внешние и внутренние аспекты, угроза приобретает многофакторный характер, а ее опасность в мире очень слабо идентифицируется из-за наличия « серых неконтролируемых » зон, которые становятся геополитическими регионами враждебными любому воздействию международного права ; что способствуют развитию организованной преступности в результате расширения взаимодействий между военно-политическими, религиозными, этническими движениями и преступной деятельностью конкретных лиц через социальные сети. (Radtchenko-Draillard, 2016) В заключение, следует отметить, что все эти преобразования в национальных и международных социальных отношениях должны быть приоритетным вопросом социального диалога и переговоров они должны быть в национальных и международных отношениях для разрешения различных

конфликтов, уменьшения угроз в мире и установления стабильности в глобальной человеческой деятельности.

3. Анализ методов оптимизации этих преобразований.

С психологической и психоаналитической точки зрения эти преобразования поднимают вопрос не только о темах, которые необходимо решать, но и о субъектах которые сталкиваются с дематериализацией в эпоху информатизации. Психоанализ демонстрирует его последствия на индивидуальной основе. в процессе психоаналитического лечения и консультации. Миллер подчеркивает что эти последствия имеют прежде всего политическое значение: «Как мы можем использовать статистическую серию, зависит от политического акта. Речь идет о продвижении всех местных инициатив, всего, что борется против единообразия ». (Miller, 2003). Следует отметить, что независимо от того, какое будет принято решение в отношении правовых законах и декретах относительно работы на информатизационных цифровых платформах, остается вопрос об экономическом и социальном статусе сотрудников. Аргумент фокусируется на степени контроля над информатизационной цифровой платформой и степени этого подчинения. Крайний разрыв трудовых льгот во всех случаях приводит к крайней посредственности приобретенных прав.

Второе решение должно основываться на специфике ситуаций, сочетающей экономическую и правовую зависимость, для создания промежуточного статуса, который предоставил бы некоторые гарантии правовые и социальные для сотрудников. С другой стороны, модель профессиональных навыков способствует интеграции социальных детерминизмов в профессиональной карьере людей. С этой точки зрения само понятие компетентности коренится в нормативной модели либерального индивидуализма в социальной среде, описанной Бовуа (Beauvois, 2005) « Понятие дискурсивной подготовки специалистов позволяет учитывать основную организацию компетентности разрозненных суждений о том или

ином объекте ; поиск их однородности на самом деле основан на произвольных ассоциациях между различными характеристиками данного объекта». Несомненно, заданные вопросы касаются моделей экономического роста, системы образования, системы социальной защиты, системы здравоохранения, системы условий труда, и т. д. Другие аргументы в пользу реагирования этих преобразований должны быть основаны на социально-демографических изменениях: старении населения, уменьшении рождаемости, убыли населения и смертности, иммиграции, и т.д.

Наконец, экологические преобразования приведут к увеличению расходов на борьбу с глобальным потеплением и загрязнениями окружающей среды. Мне кажется, что необходимо полагаться на анализ причин и этих преобразований, чтобы понять, какие факторы могут повлечь за собой активное участие различных действующих лиц в процессе обновления социального диалога. Наконец, альтернативное решение будет основываться на модели сотрудничества участников социального диалога. Мне кажется, что задачи эволюции социального диалога должны быть обусловлены основными целями: 1) освоение взаимозависимых движений глобализации, информатизации, 2) экологический контроль и контроль над демографическими преобразованиями, 3) контроль рисков неопределенности в деятельности человека. Компромиссы и переговоры должны устанавливаться непосредственно на национальном межпрофессиональном уровне и тесно координироваться с экономической, налогово-бюджетной и социальной политикой правительств развитых государств. С точки зрения Радченко-Драяр (2011) «Сближение деятельности и спрос на признание имеет смысл, так как идентичность, по определению, является корреляционной и межсубъективной, а отдельные лица координируют свои действия на основе стандарта взаимного признания». Специфическая особенность переговоров состоит в том, что они представляют собой исключительно сжатую по времени и пространству социальную активность

людей с их переменными аспектами взаимодействия: соперничества (конкуренция) и сотрудничества (кооперация).

Теория Валтон и МакКерзи (1965) подробно описывает различные аспекты переговоров и выделяет четыре основных микропроцесса переговоров: 1) дистрибутивная ориентация (система действий связана с преследованием собственных целей участвующих сторон, находящихся в состоянии конфликта или конкуренции), 2) интегративная ориентация (система действий связана с достижением общих целей и сотрудничества участвующих сторон, находящихся в состоянии кооперации), 3) структуризация позиций или установок (установление специфических отношений и позиций для разрешения проблем или задач), 4) интрактивность переговоривающих сторон (дискуссии внутри каждой делегации, комплексные действия при выработке стратегии и тактики, придерживаться которых будет глава делегации- протагонист). В процессе дипломатических отношений между различными странами международные переговоры занимают детерминирующую роль, поскольку они осуществляют процесс принятия решения, посредством которого переговоривающие стороны или протагонисты (protagonistes) стремятся прийти к соглашению в целях урегулирования конфликтов, несмотря на различия их интересов и целей. Дюпон (Dupont, 1994), Радченко-Драйяр (Radtschenko-Draillard, 2012) выделяют основные категории переменных в международных переговорах: 1) переменные, связанные с динамикой протекания переговоров (выбор тактики, модальность переговоров, наличие пауз и перерывов в их процессах) 2) переменные общения (внешние и внутренние типы коммуникаций, лингвистические особенности, тип общения, индивидуальность или коллегиальность в принятии предложений, и т.д.), 3) поведенческие, мотивационные и когнитивные переменные (типы стратегий принятия решений, конкуренция и кооперация в процессе переговоров, мотивация достижения успеха или мотивация избегания неудач, и т.д.), 4) личностные переменные протагонистов (установки по отношению к принятию решения,

самооценка, тревожность и устойчивость к стрессу, уровень доверия к протагонисту, и т.д.). В этом контексте переговоры, социальный диалог и консультации должны внести вклад в выработку норм и инструментов политического, экономического и социального регулирования человеческой деятельности в цифровую эпоху.

Заключение

Основная задача анализа последствий информатизации для преобразований человеческой деятельности заключается в решении многогранных проблем. С одной стороны, последствия этих преобразований еще не определены в значительной степени; с другой стороны, они должны контролироваться рациональной последовательной экономической и социальной политикой в мире. Отметим, что фактор неопределенности в цифровую эпоху влияет на общий баланс занятости, экологический переход, перспективу радикальной трансформации способов производства и потребления. Как и движение за глобализацию и финансовую систему, экологический переход потенциально порождает цепочку взаимных причин с динамикой неравенства. Стратегии выживания беднейших слоев населения зачастую разрушительны для природных ресурсов.

Симметрично, негативные, зачастую катастрофические последствия, ухудшения состояния окружающей среды сосредоточены на беднейших странах и классах и в долгосрочной перспективе они угрожают всему человечеству. Для обеспечения социально приемлемого перехода в каждой конкретной стране необходимо проводить политику в области налогообложения, инвестиций, профессиональной подготовки и поддержки мобильности сотрудников. На индивидуальном и социальном уровне этот процесс способствовал бы взаимодействиям между нормами, регулирующими поведение, и нормами, регулирующими политический дискурс. Учитывая эту необходимость, надо быть эмоционально вовлеченными в отношения друг с

другом, быть подлинным и близким к себе, чувствовать себя пригодным в этой оптимальной, глобальной и эффективной межсубъективности.

Переговоры, диалог, политические управленческие решения как единая система вертикальных и горизонтальных социальных взаимодействий, построение общего символического пространства должны быть краеугольным камнем человеческой деятельности в современном мире цифровой эпохи. Развитие информатизации и научных исследований в различных областях должно быть прежде всего направлено на гармонизацию человеческой деятельности и качества жизни в каждом обществе и в мире.

Библиографический список.

1. Beauvois, J.-L. (2005). *Les illusions libérales, individualisme et pouvoir social*. Petit traité des grandes illusions, Grenoble : PUG.

2. Deutsch, M., (1949). A theory of cooperation and competition. *Human Relations*, n°2, 129-152

3. Dupont, C., (1994). *La négociation : conduite, théorie, applications*. Paris: Dalloz.

4. Freud S (1964). *Civilization and its Discontents*. (1930) In: J Strachey, *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud*. Vol XXII. London: Hogarth Press.

5. Hofstede, G., (1991), *Culture and Organizations: Software of the Mind*, London: McGraw-Hill.

6. Linton, R., (1977). *Le fondement culturel de la personnalité*, Paris: Bordas.

7. Miller, J.-A, (2003). *Lacan et la politique*. *Cités*, n°16, 105-123.

8. Moscovici S. (1984). (Dir.), *Psychologie sociale*, Paris: P.U.F.

9. Radtchenko-Draillard S., (2011). *La théorie des jeux et le processus de la négociation internationale*. *Revue Internationale de psychologie politique sociétale*, n°4, 129-142.

10. Radtchenko-Draillard, S. (2012). *La spécificité de la négociation internationale*. *Cahiers de psychologie politique*, n°21, 81-105.

11. Radtchenko-Draillard, S. (2016). L'étude psychanalytique de la résolution des conflits dans les interactions internationales et la négociation. Thèse de doctorat de psychologie. Université Sorbonne Paris Cité- Université Paris Diderot, Paris : Université de Sorbonne, 502 p.

12. Triandis, H., (1994). Culture and Social Behavior. New York: McGraw-Hill, Inc.

13. Walton, R.E., McKersie, R.B. (1965). A behavioral theory of labour negotiations. New York: McGraw-Hill, Inc.